

УДК 355/359 «1918»

ПЕРЕХОД ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ НА СТОРОНУ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ И КАЗАНИ (ИЮЛЬ – АВГУСТ 1918 г.)

© А.В. Ганин

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов из архивов России и США проанализированы обстоятельства перехода Военной академии от красных на сторону антибольшевистских сил в разгар Гражданской войны в России в Екатеринбурге и Казани в июле – августе 1918 г.

Табл. 1. Библиогр. 55 назв.

Ключевые слова: Гражданская война, Военная академия, Генеральный штаб, А.И. Андогский, Л.Д. Троцкий, И.И. Вацетис.

JOINING OF MILITARY ACADEMY TO ANTI-BOLSHEVIST'S FORCES IN YEKATERINBURG AND KAZAN' (JULY – AUGUST, 1918)

A.V. Ganin

Based on the documents mentioned in this article for the first time author analyses reasons of joining of Military Academy to anti-bolshevist's forces during the top of Civil War in Russia, in Yekaterinburg and Kazan' in July-August, 1918.

55 sources.

Key words: Civil War, Military Academy, General Staff, A.I. Andogsky, L.D. Trozky, I.I. Vacetis.

Перипетии деятельности важнейшего высшего военно-учебного заведения старой России – Николаевской военной академии в Гражданскую войну – до сих пор, во многом, неизученный пласт истории. Эта история полна удивительных приключений, интереснейших событий, проявлений как жертвенности и героизма, так и интриг и подковерной борьбы. Драматический переход академии на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани в июле – августе 1918 г. представляет значительный интерес для исследователей. К сожалению, незнание с базовыми историческими источниками и произвольная трактовка документов в отдельных публикациях привели к формированию искаженной картины событий вокруг академии. Своей задачей автор этих строк считает проведение самого тщательного исследования всех обстоятельств перехода академии от крас-

ных к их противникам на основе совокупности сохранившихся документальных материалов противоборствующих сторон в архивах России и зарубежья, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые*.

Старая Николаевская военная академия к весне 1918 г. именовалась Военной академией. Находясь в Петрограде, академия после большевистского переворота в ок-

---

* Данное исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)». Материал был представлен в виде доклада «Казанский период истории академии Генерального штаба. 1918 г.» на научной конференции «Казань в истории белогвардейского движения в годы Гражданской войны: события и имена» (Казань, Приволжский центр региональных и этнорелигиозных исследований. 6 июня 2012 г.), однако, по независящим от автора причинам, труды конференции опубликованы не были.

тябре 1917 г. автоматически оказалась военно-учебным заведением Советской России, хотя ни слушатели в большинстве своем, ни профессорско-преподавательский состав не разделяли новой идеологии. Весной 1918 г. академия была эвакуирована из Петрограда в тыловой Екатеринбург, в связи с наступлением немцев, и находилась там к июлю 1918 г.

Летом 1918 г. Урал из глубокого тыла в одночасье превратился в прифронтовой район разворачивавшейся Гражданской войны. В июле 1918 г. Екатеринбург оказался под угрозой захвата чехословаками и белыми. Со всей остротой встал вопрос о судьбе важнейшего высшего военно-учебного заведения страны. По свидетельству профессора академии, Генштаба генерал-майора М.А. Иностранцева, за академией, которая располагалась в здании Епархиального училища, и частью ее состава в Екатеринбурге было установлено наружное наблюдение, обслуживающий персонал был замечен в подслушивании заседаний конференции академии – ее коллегиального руководящего органа. Как писал Иностранцев, «...все это создавало чрезвычайно напряженное, подавленное настроение и сознание гнета, как будто бы мы жили под стеклянным колпаком» [9, л. 309].

Профессура имела основания опасаться преданных красным слушателей только что набранного младшего ускоренного курса, лишь частично состоявшего из бывших офицеров и включавшего целый ряд членов партии большевиков. По воспоминаниям профессора, Генштаба генерал-майора П.Ф. Рябикова, «...сравнительно небольшое их число имело вид типических большевиков, увешанных оружием, большинство же были настоящие офицеры, которые, поймав кого-либо из нас в коридоре наедине, тихо докладывали, что они не большевики, а настоящие дисциплинированные офицеры...» [8, л. 118 об.]. По мнению Рябикова, с новым набором характер дружной офицерской семьи академией был утрачен: «Пришлось уже все время в разговорах быть осторожным, тем более что уже стали указывать на «подозрительных», чувствовалось, что за нами начался уже незаметный сыск»

[8, л. 118 об.]. Случались и откровенные провокации. Например, кем-то были подброшены винтовки и револьверы, которые правитель дел, бывший Генштаба подполковник И.И. Смелов поспешил сдать в совет депутатов. Посредниками между совдепом и академией были преподаватели бывший Генштаба полковник А.П. Слижиков и бывший Генштаба подполковник А.Д. Сыромятников.

Начальник академии бывший Генштаба генерал-майор А.И. Андогский имел возможность близко изучить высшее советское военное руководство. Как умный человек, он отдавал должное способностям большевистского наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого. По свидетельству профессора Иностранцева, изложившего беседу с Андогским, Троцкий, по мнению начальника академии, «это очень, очень умный человек... Он по профессии журналист, чрезвычайно легко и ясно разбирается в весьма специальных военных вопросах, весьма быстро все схватывает и чутьем улавливает военные потребности. Но, кроме того, я вынес впечатление, что это и выдающийся организатор и человек колоссальной воли, энергии и работоспособности. Он, прямо-таки, какой-то двухжильный и положительно кажется, что чувство усталости ему совершенно незнакомо» [9, л. 310–311].

Андогский прекрасно понимал, что и академия со своими дореволюционными порядками, и он лично буквально ходили в Советской России по лезвию ножа. За академией велось тщательное наблюдение. Комиссаром академии был чекист В.П. Матвеев. По некоторым данным, осведомители имелись и среди слушателей младшего курса. И.Ф. Плотников утверждал, что в академию слушателем был зачислен чекист Г.П. Никулин – позднее помощник коменданта Дома особого назначения, где содержалась императорская семья [25, с. 125]. Однако в выявленном и опубликованном нами списке слушателей академии такой человек не значится [13, с. 520–524].

Отдельные профессора, например, бывший Генштаба генерал-лейтенант Г.Г. Христиани, по беспечности иногда высказывались резко против большевиков, что

могло иметь пагубные последствия. Обсуждая вопрос о провокациях против академии, Андогский рассчитывал, что «мы увернемся от всех этих козней» [9, л. 312].

По свидетельству Иностранцева, Андогский на всякий случай в ящиках с книгами академической библиотеки привез из Петрограда в Екатеринбург оружие и два разобранных пулемета, чем можно было вооружить взвод слушателей в 25–30 человек. Откуда было взято это оружие, неизвестно. Возможно, часть его привезли офицеры-слушатели. Ящики были помечены особым знаком, известным начальнику академии и правителю дел. Несмотря на риск, предпринимались попытки завязать контакты с антибольшевистским лагерем. Еще в конце июня 1918 г. во французскую военную миссию к генералу Лаверн и полковнику Корбейль был командирован служивший в академии бывший подполковник А.Д. Сыромятников с запиской М.А. Иностранцева о воссоздании фронта против немцев («Записка о современном политическом положении и задачах союзного блока») и устной информацией о настроении академии бороться за союзное дело [43, л. 2 об.]. Кроме того, Андогский предпринимал меры для установления связи с чехословаками, для чего тайно в Златоуст и Челябинск были направлены трое слушателей-добровольцев. По свидетельству Иностранцева, со слов жены Андогского, начальник академии действительно поддерживал контакт с антибольшевистским лагерем [9, л. 323]. Как вспоминал Иностранцев, «я не мог не подивиться беззастенчивости и дерзости этого человека (Андогского – А.Г.), ухитрявшегося в одно и то же время ездить в Москву на совещание с Троцким и готовить противобольшевистское выступление с оружием в руках» [9, л. 313–314]. Можно допустить, что такова была стратегия выживания Андогского, который поставил своей целью сохранение академии, а также обеспечение безопасности сотрудников и их семей. Для этой цели Андогский заигрывал как с красными, так и с белыми. При этом он прекрасно знал об антибольшевистских настроениях значительной части профессорско-преподавательского состава академии.

Пребывание академии в Екатеринбурге одновременно с нахождением там же в заключение семьи бывшего императора Николая II и других представителей Дома Романовых вело к разработке слушателями академии из гвардейских офицеров различных проектов спасения узников. Слушатели даже встречались с отдельными представителями семьи Романовых. Существовала так называемая «пятерка помощи» из пяти слушателей во главе с бывшим капитаном Д.А. Малиновским, занимавшаяся подготовкой освобождения арестованных. По некоторым данным, Малиновский сумел сагитировать еще несколько десятков слушателей (в литературе приводятся цифры до 38). Однако по соотношению сил подобные попытки были обречены на провал и даже выгодны для большевиков, поскольку давали им весомое обоснование ликвидации Романовых при попытке их освобождения белыми. Категорическим противником каких-либо действий в этом направлении был Андогский, беспокоившийся, прежде всего, за безопасность академии. Тем более, что в районе дома инженера Н.Н. Ипатьева, где содержалась императорская семья (дом находился на расстоянии версты от академии), были значительно усилены меры безопасности, а член Екатеринбургского комитета РСДРП(б) Ф.И. Голощекин заявлял о возможности самочинной ликвидации академии местными силами [9, л. 317], но его, видимо, сдерживали указания народного комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого. Следует отметить, что в Екатеринбурге был расположен гарнизон в несколько тысяч бойцов, которому академия противостоять не могла. Наконец, ни академия, ни жители Екатеринбурга не были осведомлены о том, что большевики планируют убийство семьи бывшего императора.

Как свидетельствовал Иностранцев, по мере приближения антибольшевистских сил к Екатеринбургу «нервность советских властей усиливалась, а Андогский становился все озабоченнее и мрачнее» [9, л. 323]. Согласно приказу наркома по военным и морским делам от 16 июля 1918 г. Андогский должен был откомандировать 80 слушателей академии в распоряжение

командующего Восточным фронтом И.И. Вацетиса [35, л. 37]. После назначения Р.И. Берзина командующим 3-й советской армией академию стал курировать председатель Уральского областного совета А.Г. Белобородов. Последний сообщил Андогскому, что академия должна подготовиться к эвакуации. Андогский отвечал, что для подготовки к переезду нужно не менее недели и до трех эшелонов. Белобородов на это заявил, что речь идет, в первую очередь, об эвакуации личного состава, а не имущества и предупредил об ответственности вплоть до расстрела за уклонение [9, л. 324–325]. Тем не менее, Андогский (несмотря на эти указания и на протест профессора, бывшего Генштаба генерал-майора А.Ф. Матковского) решил эвакуироваться с частью учебных пособий, чтобы на новом месте возобновить учебный процесс.

Против эвакуации и против чрезмерной угодливости академии перед большевиками на одном из заседаний конференции (по некоторым данным, 18 июля) резко выступил профессор А.Ф. Матковский. Позднее, в своем заявлении от 3 сентября 1918 г. в конференцию академии, он отметил, что «возможность расстаться с большевиками, с тем их покровительством, которое причиняло большие нравственные муки, с той их самонадеянностью, которая позволяла им, даже простым красноармейцам, называть академию «нашей», а в последний месяц перекрестить ее в академию красной рабочей и крестьянской армии, возможность такой разлуки улыбалась, несомненно, всем» [11, л. 34 об.]. Опасаясь репрессий, конференция приняла к исполнению приказание об эвакуации. Обсуждение продолжалось несколько дней. Матковский отмечал: «Мне представлялось, что желание всех было не эвакуироваться, а спастись от эвакуации, выиграв время» [11, л. 34 об.]. Главной задачей, которую понимало большинство членов конференции, было не навлечь на академию репрессий или хотя бы подозрений необдуманными действиями.

Поведение Матковского в те дни не на шутку обеспокоило академическое начальство. Матковский считал, что новая эвакуация окончательно связала бы персонал ака-

демии с большевиками. Серьезным фактором было наличие при Матковском семьи. Логика рассуждений бывшего генерала была следующей: «Я понимал эвакуацию академии из Петрограда от немцев, но теперь? ...Я спрашивал, во имя чего должен жертвовать интересами своей семьи? Говорил, что на службу к большевикам не поступал, с ними ни с одним в сношение не вступал, ничего им не обещал, не имею пред ними никаких обязательств, и они на меня не имеют никаких прав, что если нас недавно перекрасили в академию красной рабочей и крестьянской армии, то это против моей воли и желания» [11, л. 35 об.]. В итоге Матковский остался и был вынужден несколько дней до занятия белыми Екатеринбурга скрываться в окрестных лесах. Генерал П.Ф. Рябиков вспоминал, что, разумеется, остались бы с удовольствием все, но это подводило академию под репрессии [8, л. 119 об.].

Андогский поставил вопрос о том, что будет делать каждый при категорическом приказе об эвакуации. Г.Г. Христиани отказался ехать и заявил, что подаст в отставку. Аналогичное заявление сделал Матковский. Профессор, бывший Генштаба генерал-лейтенант А.И. Медведев тоже говорил об отставке, но при необходимости был готов ехать. Другие согласились ехать, но говорили о возможности бежать из поезда. Матковский прямо писал: «Почти все надеялись, что Екатеринбург падет раньше эвакуации» [11, л. 35 об.]. Звучали различные предложения, в том числе говорилось о необходимости разойтись, так как в составе единого учреждения большевикам проще контролировать личный состав академии и проводить репрессии.

19 июля Троцкий телеграфировал в Екатеринбург члену РВС Северо-Урало-Сибирского фронта И.Т. Смилге с копией начальнику академии Андогскому и в РВС Восточного фронта в Казань: «Академия должна быть эвакуирована временно до полной ликвидации чехословацкого мятежа. Весь персонал академии должен быть эвакуирован из Екатеринбурга, кроме тех лиц, которые особым распоряжением будут там оставлены. Назначение места временной эвакуации академии и условия эвакуа-

ции предоставил Революционному Военному Совету в Казани. Ему предписано отпустить в распоряжение академии достаточное денежное средство (так в документе. – А.Г.), дабы эвакуация была сопряжена с наименьшими неудобствами для личного состава. Восемьдесят слушателей старшего курса предоставлены мною в непосредственное распоряжение Военного Совета. Академия нам необходима для рабочей и крестьянской власти, а не для кого-нибудь другого и, стало быть, ни о каких искусственных условиях экстерриториальности для академии не может быть и речи. Всякая попытка отдельных членов личного состава академии проникнуть на территорию, занятую чехословаками, будет рассматриваться как измена и караться по законам военного времени. Москва 19-го июля 1918 года № 1196» [42, л. 232].

Таким образом, Троцкий вполне допускал возможность измены в академии, что соответствовало настроениям профессорско-преподавательского состава и части слушателей. Местом эвакуации была избрана Казань, считавшаяся тогда безопасным пунктом. Подтверждением тому служит нахождение в городе золотого запаса страны. Телеграмма Троцкого была объявлена в приказе по академии № 162 от 21 июля 1918 г. и вывешена на дверях Епархиального училища. Андогский по этому вопросу был вызван к Смилге [11, л. 34 об.]. Постановления конференции об эвакуации не было, а, по свидетельству Матковского, было лишь подчинение приказу сверху.

Здесь важно отделять подлинные события истории академии от позднейших наслоений в виде различных слухов и домыслов, распространявшихся врагами Андогского, в основном, в Белой Сибири и в эмиграции. И красные, и белые считали Андогского двурушником и врагом. Уже в эмиграции, например, его голословно обвиняли в том, что «по дороге из Екатеринбурга в г. Казань Андогский телеграфировал Троцкому из Перми, чтобы он вызвал его с докладом об академии, но Троцкий не внял мольбам Андогского и приказал ему не показывать носа в Москве и оставаться с академией» [11, л. 56]. По этой версии получается, что Андогский лишь в силу об-

стоятельств оказался в белом лагере, хотя не желал этого. На самом же деле все было с точностью наоборот.

В июле – августе 1918 г. в Поволжье и на Урале обстановка складывалась не в пользу красных. Выступление Чехословацкого корпуса, казачества, офицеров и добровольцев против большевиков привело к падению Советской власти в Сибири, на Южном и Среднем Урале, в Среднем Поволжье. Антибольшевистское движение разрасталось.

Комиссар Ф.П. Никонов вспоминал: «Когда я был туда (в Екатеринбург. – А.Г.) экстренно послан, мандат мне был подписан Дзевалтовским (далее зачеркнуто – и Мехоношиным. – А.Г.), то тогда выяснилось, что я должен был выехать в Екатеринбург для наблюдения и быстрой организации занятий в новой академии. Мне было поручено произвести анкету среди преподавателей и наблюдать за началом занятий на младшем курсе.

Я выехал туда, это было в конце апреля, а затем, когда я выехал из Москвы, то наш поезд уже начал задерживаться, то под Вологдой, то под Пермью. Обнаружилось, что он стоит из-за чехословаков, которые тогда уже выступили. Приехав в Екатеринбург, я там уже застал Ревком. Мы там уже повидали, что наступает Гражданская война, и учение наше было окончено в самом начале.

Я все-таки увидел, что там работа не развернулась, а начальник академии, что-то очень уж дипломатично и осторожно отвечал на все предлагаемые вопросы. Это меня очень поразило. И вот у нас ясно стал вопрос, что часть сил, назначенных в академию, нужно привлечь для работы. Я был привлечен к работе и был назначен начальником штаба резерва. В будущем я стал начальником штаба тыловой базы. Берзин был начальником штаба 3 армии. Затем была организована тыловая база и 3 армия. Я одно время при прорыве фронта руководил фронтом. 3 армия отступила от Екатеринбурга. Занятия мы были вынуждены прекратить ввиду того, что подходил фронт. По моей и Трифонова инициативе был поднят вопрос о необходимости эвакуировать академию в другое место. Тогда уже была

ясно выражена опасность, что академию придется оставить и что весь старший курс перейдет на сторону чехословаков. Но эвакуировать было очень затруднительно из-за недостатка перевозочных средств. В конце концов, нам удалось добиться. Правда, это распоряжение было получено уже очень поздно» [41, л. 15–16].

Радужной для психологии старого офицерства перспективой было возможное восстановление Восточного фронта против немцев и их союзников – большевиков с тем, чтобы в результате победы над внешним врагом прийти к успокоению, возрождению и укреплению внутри страны. Администрация, преподаватели и значительная часть слушателей академии тоже были носителями общей для кадрового офицерства психологии и отнюдь не связывали свое будущее с Советской Россией, а стремились перейти к противникам большевиков. Но сделать это вместе с семьями, в составе большого громоздкого учреждения, с огромным академическим имуществом было практически невозможно. Профессор Иностранцев отмечал: «Комплектовать нашими учениками Красную армию мы совершенно не собирались и, в этом отношении, установили совершенно определенное решение» [10, л. 1в]. Андогский впоследствии, стремясь оправдаться за сотрудничество с большевиками, писал о задачах академии в июле 1918 г. – «цель наша – передача академии на сторону Сибирских войск» [43, л. 3]. Но, разумеется, в июле 1918 г. его позиция была не столь определенной.

Бывший слушатель ускоренных курсов 3-й очереди полковник Н.Н. Ивановский писал Генштаба генерал-майору П.П. Петрову уже в эмиграции в 1963 г.: «С первого момента нам было объявлено, что академия вне политики, и на этой линии ген[ерал] Андогский держался до Казани в 1918 году. Начались занятия – нас ничего не касалось вне академической жизни» [2]. В другом письме Ивановский отмечал, что, оказавшись в Екатеринбурге, «Андогский лавировал – держа академию вне политики, но, как он ни старался держать нас под стеклянным колпаком, жизнь брала свое... Внешне слушатели подчинялись, но были

прорывы... Насчет групповых выступлений могу сказать, что была организация, построенная на системе троек. Я был рядовым членом, так что верхушки не знал – пришлось выполнять отдельные поручения, но о[б] общих планах не имел понятия – во всяком случае, в самом гор. Екатеринбурге никакого восстания до прихода чехов не было и никаких активных попыток спасения Государя не было.

По работе организации я имел дело с отрядом анархистов [П.И.] Жебенева – когда они узнали о намерении расстрелять Государя и семью, среди них раздавались голоса, что нужно было идти и остановить казнь – отряд анарх[истов] в это время был вне Екатеринбурга, так что все это намерение осталось только на словах» [2].

Взгляды слушателей изложил в своих мемуарах полковник К.В. Семчевский. Он отметил, что в июле 1918 г., «так как намечалась некоторая угроза Екатеринбургу, то приступили к подготовке эвакуации советских учреждений. Решено было эвакуировать и академию со всеми только что окончившими курс офицерами в Казань. Этот город большевиками считался наиболее безопасным. Недаром они там держали российский золотой запас.

Часть наших офицеров, в том числе и я, считали, что отъездом в Казань мы свяжем себя с советской властью навсегда. Не было сомнений в том, что теперь, по окончании курса академии, мы будем назначены в Красную армию. Тех же из нас, кто, идя по линии наименьшего сопротивления, примирился с мыслью об эвакуации вглубь советской территории, я и некоторые другие считали, чуть ли не предателями.

Теперь же, когда прошло более полувека с тех судьбоносных дней, я не вполне уверен в своей правоте. Возможно, что у некоторых, из уезжавших в Казань, были и свои планы. И даже те, кто, быть может, примирился с мыслью попасть в Красную армию, могли считать, что инфильтровав ее, они «изнутри» смогут лучше послужить России... Кто знает? Но тогда и я, и другие были непримиримы к ним.

Для нас, считавших службу в Красной армии неприемлемой, наступила решительная минута. Надо было действовать без

промедления. К этому времени часть офицеров, абсолютно доверявших друг к другу (так в документе. – А.Г.), объединилась с целью принять совместное решение... От перспективы стать чем-то вроде «красного генерала» мы с женой пришли в ужас. Тогда же решили, что так или иначе, но эвакуироваться в Казань я не могу» [53].

Екатеринбургское белое подполье было тесным образом связано с академией. Прежде всего, в академии сложилась группа слушателей во главе с бывшим подполковником, храбрым офицером польского происхождения, несколько раз бежавшим из плена, К.Ю. Румшей, готовившаяся оказать помощь наступавшим чехословакам. Как вспоминал К.В. Семчевский, «руководителем мы его не выбирали. Был ли у него какой-нибудь особый магнетизм, вызывавший доверие к нему? По-видимому, был. Мы без критики принимали его указания, которые могли бы даже показаться фантастическими. И, как показало ближайшее будущее, в нем мы не ошиблись. Все действия его и решения, похожие иногда на приключенческий роман, оказались вполне обоснованными. Все, от начала и до конца, прошло согласно его планам. И то, что нам удалось соединиться с белыми, вместо эвакуации в Казань, заслуга не наша, а его» [53]. Организация Румши состояла, по разным данным, из «троек» или из «пятерок», старшие которых (связные) держали связь с самим Румшей. Соблюдалась строгая конспирация. Обсуждение возможных действий привело подпольщиков к выводу о невозможности открытого выступления силами группы офицеров. Последствия такого мятежа были бы губительны и для академии, и для представителей семьи Романовых в Екатеринбурге. Поэтому решено было соединиться с белыми.

Помимо группы Румши в городе существовала активно работавшая Военная организация во главе со слушателем академии начальником разведывательного отдела штаба Северо-Урало-Сибирского фронта бывшим штабс-капитаном А.А. Буровым. Буров – «талантливый и честолюбивый офицер, сразу же после экзаменов добровольно пошел служить к большевикам... По городу он ездил в пролетке, в черной

кожаной куртке, обвешанный пулеметными лентами. Справа и слева на подножках стояло по красноармейцу – охрана от возможных покушений со стороны врагов советской власти» [53].

Организация Румши была с ней тесно связана, о чем свидетельствует в своих мемуарах Семчевский [53]. Члены организации действовали под прикрытием официальных должностей в советских военных учреждениях. Достаточно отметить, что выпускник ускоренных курсов, соратник Андогского и один из лидеров выпуска курсов 2-й очереди академии бывший капитан А.Л. Симонов, состоявший в организации, был начальником штаба Северо-Урало-Сибирского фронта красных (фронтom руководила военная коллегия в составе командующего бывшего поручика, старого большевика Р.И. Берзина и членов: бывшего подпоручика, большевика С.А. Анучина и лояльного большевикам бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Д.Н. Надежного). Очевидно, Симонов мог обеспечивать Андогского всей полнотой информации о планах советского командования. Организация ставила своей задачей освобождение города от красных при подходе чехословаков. Через Симонова организация получила из штаба фронта ордер на три пулемета Льюиса (по другим данным – 2), 300 винтовок (по другим данным – 40), 60 000 патронов и 150 ручных гранат на вооружение рабочей дружины Надеждинского завода. Офицеры-подпольщики под видом возчиков и сопровождающих от завода получили это оружие. Часть оружия была спрятана в лесу у села Уктус и использовалась для вооружения группы Румши. Другая часть хранилась в склепах Михайловского кладбища на окраине Екатеринбурга.

Генштаба капитан А.Л. Симонов в рапорте 1-му генерал-квартирмейстеру Ставки адмирала А.В. Колчака от 25 ноября 1918 г. писал, что «участь Екатеринбургского района была решена победой чехов у ст. Незепетровская. Как эта победа, так и вообще благоприятная обстановка для занятия Екатеринбургского района были подготовлены мною; это моя работа, за которую я, будучи начальником штаба Берзи-

на¹, неоднократно рисковал быть повешенным или расстрелянным... Расследование документально устанавливает, что я служил в штабах красной армии не только в Екатеринбурге, а, с первого дня окончания старшего класса академии, как член ордена, поставившего себе задачей свержение большевиков и спасение Родины активным путем. Что касается вознаграждения за службу в красноармейских штабах, то в то время оно было настолько мизерным, что говорить о нем не приходится» [51, л.1 об.].

Скрывавшийся в окрестностях Екатеринбурга финансист В.П. Аничков вспоминал: «Мы держали связь с готовящейся к восстанию белой молодежью... Приезжали и другие офицеры, в большинстве своем выпускники Генштаба. Их приводили к нам на свидание, и здесь на имеющихся у них картах они наносили пункты расположения красных и белых войск» [1, с. 130–131]. Первоначально выступление было назначено в ночь на 24 июля, но состоялось лишь следующей ночью. Руководил восстанием оперативный штаб во главе с А.А. Буровым и бывшим подпоручиком В.М. Зотовым. В ночь на 25 июля подпольщики выпустили заключенных из тюрьмы и заняли ряд советских учреждений. Буров участвовал в бою за станцию Екатеринбург-II. Слушатели академии участвовали в выступлении и в окрестностях города. Например, бывший штабс-капитан В.Г. Иванов (?) организовал антибольшевистскую комендатуру на Верх-Исетском заводе [23].

Отряд из 37 слушателей академии под командованием К.Ю. Румши, вооружившись, 21 июля (Семчевский приводит другую дату – в ночь с 17 на 18 июля) ушел из Екатеринбурга в западном направлении, в сторону реки Чусовой на соединение с чехами, подходившими к городу (по некоторым данным, слушатели предлагали участвовать в этом и самому начальнику академии, но он отказался [55, с. 21]). В составе отряда было и несколько слушателей младшего курса [30, л. 50 об.], которые преподаватели не без оснований считали большевизированным. Сам Андогский впо-

следствии приписал отправку отряда Румши себе и вспоминал, что слушатели академии помогли чехословакам при взятии Екатеринбурга [43, л. 3–3 об.]. По свидетельству П.Ф. Рябикова, Андогский был в курсе замыслов Румши, но инициатива все же принадлежала самим слушателям [8, л. 120]. Думается, это утверждение ближе к действительности.

Семчевский отмечал, что для маскировки уходившие с Румшей получили от штаба подлинные предписания в различные штабы на фронте [53]. Таким образом, у них было законное основание не эвакуироваться с академией из Екатеринбурга. Как командированным им даже выданы были из казначейства прогонные деньги. Из города каждая «пятерка» выходила особым маршрутом, назначенным руководителем организации. Встреча была намечена в лесу к западу от Екатеринбурга, где было спрятано оружие. К условленному месту не вышла только одна из «пятерок».

24 июля в районе завода Северский произошло соединение отряда Румши с чехословаками. Семчевский писал: «У многих из нашего маленького отряда жены остались в Екатеринбурге (моя жена тоже). Было ясно, что если нам не удастся в кратчайший срок захватить Екатеринбург – наши жены будут как жены «изменников» советской власти, ликвидированы. Поэтому мы сделали все от нас зависящее, чтобы организовать отряды белых и ускорить их наступление» [24, л. 8].

По свидетельству другого участника организации, «перед отъездом академии нам было предложено явиться на погрузку или оставаться на свой риск. Наша группа решила не ехать – предполагалось с подходом чехов сделать выступление, но, когда подсчитали свои силы, оставалось только уходить в сторону белых. Мы собрались в лесу, и собралось нас всего-навсего 37 человек. На сборном месте были приготовлены винтовки. В командование вступил [под]полк[овник] Румша, тот самый, который под Красноярском командовал Польской дивизией и, как Вы помните, держал

¹ Имеется в виду командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом и 3-й советской армией Р.И. Берзин.

нейтралитет, а, скорее, поддерживал ген. Зенкевича в Красноярске².

Итак, эти 37 человек и была та группа, которая была готова на выступление, а где же были остальные – в рискованной обстановке их было мало.

В общем, образовался самый образованный партизанский отряд – кроме слушателей было, кажется, двое офицеров из местных. Вспоминаю имена, большинства из них уже нет: Бафталовский, Дмитриев, Ярцев, Дурасов, Семчевский, Демишхан.

После небольшого перехода мы остановились на ночлег. Наутро на наше охранение вышел казачий разъезд» [2].

Отряд Румши по соединении с белыми и чехословаками участвовал во взятии Екатеринбурга, после чего был расформирован. Тогда в городе обнаружилось, как вспоминал Семчевский, «небольшое число бывших слушателей академии, сумевших избежать эвакуации. Некоторые ушли в леса, другие укрылись где-то в городе. Появилась и наша «пятерка», которая не дошла до сборного пункта. Как мы и думали, они наткнулись на красный дозор, открывший по ним огонь. Считая, что нас предали, они скрывались в лесу все эти дни» [54]. В дальнейшем и слушатели, и преподаватели академии успешно служили на штабных и командных должностях в белых формированиях Востока России. Впрочем, по мнению Семчевского, к членам отряда в белой Сибири отнеслись недоброжелательно. Сам он оказался к началу 1919 г. во Владивостоке. Семчевский вспоминал: «В городе оказалась миссия генерала Романовского. Я зашел туда и к удивлению встретил там двух из нас – тридцати семи – Гершельмана и Мягкова. Они тоже, очевидно, оказались на западе Сибири «безработными». Постепенно мое впечатление, что нас, 37 офицеров, посылают «с глаз долой», чтобы не было свидетелей эвакуации академии из Екатеринбурга, начало переходить в уверенность» [5].

Все же академическое начальство решило подчиниться приказу Троцкого, хотя и постаралось в полной мере воспользоваться разрешением оставить часть состава

академии в Екатеринбурге. В городе оставляли почти все имущество. Однако воспрещалось оставлять лиц с боевым опытом. Накануне отъезда обсуждался вопрос о том, кого оставить в Екатеринбурге. По возрасту оставались старейшие профессора Медведев и Христиани. Последний был назначен председателем комиссии по охране академического имущества. Несмотря на возражения Андогского, конференция в порядке исключения постановила оставить часть сотрудников по семейным обстоятельствам. Предлагали оставить преподавателей бывших Генштаба полковников А.Т. Антоновича (вдовца с тремя детьми) и Г.Т. Киященко, а также бывшего Генштаба подполковника П.Г. Осипова, ожидавшего прибавления в семье. Решением конференции они были оставлены.

По вопросу об оставлении профессора Матковского девять членов конференции проголосовали за и девять против, в результате чего он подал рапорт об отставке и решил остаться в городе. Андогский заявил ему, что если бы был просто профессором, то поступил бы так же [11, л. 37]. Из воспоминаний Иностранцева следует, что Матковский остался самовольно, чем подверг академию опасности. Впоследствии конференция осудила его поступок и исключила Матковского из своего состава [9, л. 343, 422].

Однако начальник академии для страховки приказал оставшемуся Христиани после отъезда провести медицинское освидетельствование Матковского, чтобы академия имела документ о том, что тот остался несамовольно. В случае перерыва связи Андогский поручил Христиани уволить Матковского своей властью.

Помимо этих лиц под предлогом охраны имущества академии или по болезни в Екатеринбурге остались и другие сотрудники, а также семьи преподавателей (кроме уехавших с академией жен бывшего Генштаба полковника В.Н. Касаткина, бывшего Генштаба подполковника Г.В. Солдатова, а также бывшего ротмистра Б.А. Вуича). Оставался и ряд слушателей, в том числе направленных в различные советские учреждения.

² Речь идет о событиях конца 1919 – начала 1920 г.

Слушатель К.А. Звиргзд, направленный в один из советских штабов, но в итоге все равно попавший к белым, вспоминал: «17 марта 1918 г. академия Генштаба, слушателем коей я состоял, была эвакуирована из Петрограда в Екатеринбург. Вследствие наступления чехословаков академия 23 июля того же года из Екатеринбурга была эвакуирована в Казань (эшелон отошел в 4 часа утра 24 июля). Я в числе 20 человек вечером 23 июля был командирован в штаб 3-й Красной армии. На другой день я получил задачу рекогносцировать дороги в сторону противника. 25 июля в 5 час. утра город Екатеринбург был занят чехами и все находившиеся в городе и часть штаба армии попали в плен. Кстати сказать, через 2–3 недели вся академия целиком попала в плен чехам в Казани. Регистрация офицеров и чиновников в Екатеринбурге была проведена очень быстро. Об уклонении не могло быть и речи. Все офицеры были мобилизованы. Я получил назначение в штаб 3-го Отдельного Уральского корпуса, а от туда уже назначен начальником штаба 1-й кадровой дивизии в Челябинске» [12, л. 73 об.].

Оставшийся в городе слушатель А.Ф. Мауринг 19 августа 1918 г. писал в рапорте правителю дел академии о подлинных мотивах, по которым он решил не эвакуироваться: «Перед эвакуацией большевиками академии из г. Екатеринбурга мною был подан рапорт, в котором я ходатайствовал о назначении врачебной комиссии для освидетельствования меня на предмет увольнения от военной службы и о невозможности тогда выехать с эшелоном по состоянию здоровья. Такая мотивировка была вызвана исключительно создавшейся в тот момент политической обстановкой, т. е. нежеланием выехать отсюда, а поэтому прошу Вашего ходатайства об оставлении меня и впредь в рядах слушателей и о возвращении мне приложенных к поданному мною рапорту копий свидетельств о ранении» [29, л. 36].

Опасаясь репрессий, оставшиеся в городе разошлись по квартирам знакомых, и в здании академии ночевала только семья Матковского. Преподаватель академии бывший Генштаба полковник Б.П. Бого-

словский, назначенный незадолго до падения Екатеринбурга на ответственный пост командующего 3-й советской армией, будучи принципиальным противником большевиков, под видом отъезда на охоту бежал к белым. Инсценировка с охотой была согласована с Андогским, чтобы не скомпрометировать академию. Впрочем, по свидетельству Рябикова, Богословский все же принял должность и бежал уже после того, как отдал ряд вредительских приказов [8, л. 120 об.].

Распоряжение Троцкого о финансовом обеспечении эвакуации академии было выполнено. Слушателем, бывшим подъесаулом П.А. Федоровым из штаба Северо-Урало-Сибирского фронта, были получены 250 000 руб. на эвакуацию в Казань [46, л. 145]. Эвакуировавшиеся рассчитывали на то, что либо Екатеринбург будет освобожден до их отъезда, либо по пути они будут захвачены чехословаками. Понимая всю сложность ситуации, Андогский потребовал от всего состава конференции исполнить приказ о прибытии на вокзал во избежание репрессий против академии. Хитро улыбаясь, Андогский сообщил членам конференции: «Надо думать, что уедем мы недалеко, но выехать должны мы обязательно все» [9, л. 334]. Как показали события, уехавшие в Казань расстались с оставшимися на три недели.

23 июля в Казань квартирьером был направлен слушатель, бывший капитан А.Г. Аргунов [45, л. 73]. В тот же день персонал академии под наблюдением батальона латышских стрелков погрузился в эшелон, однако отправка не состоялась, не было паровоза, а пути были заняты воинскими эшелонами. По свидетельству Рябикова, затягивание отправления накануне вступления в город чехов было преднамеренным, благодаря распоряжениям бывшего полковника Стогова, отвечавшего за передвижение войск [8, л. 121]. Скорее всего, речь шла о И.Е. Стогове, впоследствии начальнике военных сообщений 3-й армии, арестованном в связи с делом об эвакуации Перми [39]. В нашей монографии «Мозг армии» в период «Русской Смуты» он ошибочно идентифицирован с бывшим генералом Н.Н. Стоговым [14, с. 649].

У Андогского откуда-то была информация о том, что белые направили сотню казаков к станции Кутиха³ (Крутиха) на перехват академического эшелона [9, л. 342], однако никакого перехвата не произошло, т. к. казаки на несколько часов опоздали. Эти данные, если они соответствуют действительности, показывают наличие связи Андогского с белыми, возможно, через подпольщиков из академии. Лишь 24 июля в 4 часа утра [12, с. 73 об.] (по мемуарам Иностранцева – уже 25-го) эшелон академии выехал в Казань в составе 16 лиц учебно-административного состава, 92 слушателей старшего курса 3-й очереди и 73 слушателей младшего ускоренного курса. Ехали в грязных и непригодных товарных вагонах, не имевших даже нар для спанья, в некоторых валялись солома и навоз, освещение составляли стеариновые свечи. Через четыре часа после отхода эшелона в окрестностях города началась артиллерийская стрельба, а 25 июля город был занят группой войск Генштаба полковника С.Н. Войцеховского.

Интересно наблюдение слушателя академии Семчевского, который вспоминал, что те, кто стремился к активной борьбе с большевиками и, в частности, состоял в подпольной антибольшевистской организации при академии, «считали тогда, может быть огульно, а поэтому несправедливо, что все, уезжавшие в Казань, психологически связали свое будущее с советской властью, и что нам с ними не по пути. Это вызвало в дальнейшем известный раскол среди «новых» офицеров Генштаба в Сибири. Эвакуировавшиеся в Казань попали «на верхи», в ставку адмирала Колчака, с генералом Андогским в роли 1-го генералквартирмейстера Ставки и несколькими профессорами академии на ответственных постах» [54]. Впоследствии, когда в начале 1920 г. ряд колчаковских генштабистов оказался в плену у красных, некоторые, опасаясь репрессий за дезертирство из Красной армии, пытались выдать свой переход к противникам большевиков за вынужденное попадание в плен. Например, об этом говорится в учетных документах П.П.

Бурина и Д.И. Вяткина, относившихся к командированным на младший ускоренный курс академии летом 1918 г. [37, л. 84 об., 108].

Эшелон ехал в Пермь не напрямую. Движение осуществлялось по дороге на Алапаевск, где произошла неприятная встреча с эшелонами большевистского руководства и анархистов, следовавшими из Екатеринбурга. Чтобы избежать возможной расправы, Андогский отдал по вагонам приказание не привлекать внимания. Слушатели младшего ускоренного курса, которых так боялось академическое начальство, заботились о профессорах и преподавателях и даже добывали им пищу на станциях. Рябиков вспоминал: «Наши «красные» слушатели, ехавшие в нашем поезде, проявляли к профессорскому составу должное уважение, и на станциях, где можно было достать горячую пищу, заботились, чтобы мы были накормлены и некоторые из них даже сами приносили нам порции, так как добиться их при страшном переполнении станционных буфетов было очень трудно» [8, л. 121 об.].

По свидетельству комиссара Ф.П. Никонова, «академия сначала была послана в Пермь и ввиду недостатка составов, по просьбе начальника академии, ей были предоставлены баржи по направлению к Казани, чтобы эвакуировать ее в распоряжение Вацетиса для направления академии или в Нижний [Новгород] или же в Москву» [41, л. 16].

27 июля эшелон прибыл в Пермь, где академия перегружилась на пароход «Феодор» товарищества «Братья Ф. и Г. Каменские и Н. Мешков» для следования в Казань по Каме и Волге. По описанию профессора Иностранцева, пароход был достаточно большим, «с правого борта у парохода была пришвартована баржа, предназначенная для академических верховых лошадей и служителей при них, так что пароход имел вид, обычной теперь, мотоциклетки с люлькой» [9, л. 350, 352]. Пароход сохранял остатки бывшего убранства, а обслуживающий персонал поспешил обеспечить бывших офицеров всем, что они пожелают. Иностранцев даже отметил, что «пароход «Феодор» был как бы оторвавшейся части-

³ Так у Иностранцева.

цей прежней, дореволюционной России, каким-то чудом остававшиеся среди большевиков» [9, л. 354]. 28 июля пароход отправился в Казань [42, л. 233 об.]. Тогда же было получено важное для эвакуированных известие о падении Екатеринбурга, вследствие чего оставшаяся там часть академии попала к противникам большевиков.

В период плавания по Каме, по свидетельству Иностранцева, у него и других членов конференции возникла мысль перейти на сторону антибольшевистских сил прямо на пароходе, для чего требовалось при выходе из Камы в Волгу повернуть не к Казани, а к Симбирску. Среди контраргументов было возможное отрицательное отношение к этому слушателей младшего ускоренного курса, а также угроза Волжской военной флотилии красных [9, л. 357]. Капитан парохода отнесся к замыслу сочувственно. Однако замысел воплощен не был, так как устье Камы контролировалось кораблями советской флотилии. К месту назначения академия прибыла 1 августа, причем в Казани оказалось больше эвакуированных (за счет возвратившихся из отпусков⁴) – 17 лиц учебно-административного состава, 92 – слушатели старшего курса, 75 слушателей ускоренного курса и 14 вольнонаемных служащих академии [42, л. 236]. Иностранцев отмечал, что «город находился далеко, и его не было видно, а набережная с пристанями имела обычный вид порта, да еще порта большевизированного. На ней находились всевозможные, неприветливые склады, шмыгали грузчики и ломовые, среди которых было видно много татарских лиц, была грязная мостовая и бродили какие-то представители пролетариата и вооруженные матросы» [9, л. 362].

Оставшиеся в Екатеринбурге сотрудники академии приветствовали падение большевиков. Генштаба полковник А.Т. Антонович записал в своем дневнике, хранящемся в Государственном архиве Новосибирской области, о занятии Екатеринбурга белыми в июле 1918 г.: «Утро 25-го – новая эра. Загорелась заря; важно, чтобы она не погасла. Сравнительно безболезнен-

но совершился переворот; свои позиции прежняя власть легко уступила новой, которая внесла в жизнь мир, тишину и спокойствие. Все граждане свободно и легко вздохнули. В день вступления освободителей обыватель, видимо, не верил своему счастью... Все слышанное взволновало меня, явилась надежда на лучшее будущее, рассеялся мрак, что-то появилось вдаль, что манит к себе и говорит о возможности работать уже не бесцельно» [18, с. 381, 384].

Судьба в те дни играла людьми. Велик был фактор случайности. Так, те слушатели, которые находились в различных командировках, остались в Советской России. Например, слушатель, бывший подполковник Н.А. Мулько с 28 июля находился в штабе Северо-Урало-Сибирского фронта и в результате остался в РККА. Слушатель, бывший полковник А.Г. Слефогт, которому была ампутирована нога, решил в Екатеринбурге навестить бывшую императрицу, ухаживавшую за ним в лазарете в качестве сестры милосердия. Ему было не только отказано в просьбе, но и сам Слефогт был арестован [52].

Когда о случившемся стало известно, Андогский собрал слушателей и прочел им лекцию о недопустимости подобных поступков, создающих угрозу всему составу академии. Помощи от опасавшегося вмешаться академического начальства Слефогт не получил [2].

В результате, когда вся академия перешла к противникам большевиков, разделив участь белых армий, Слефогт, несмотря на свои монархические симпатии и очевидные антибольшевистские взгляды, остался в Красной армии, где и прослужил всю Гражданскую войну. Оказались разделены многие семьи.

По прибытии в Казань Андогский отправился на встречу с командующим советским Восточным фронтом бывшим полковником И.И. Вацетисом – также выпускником академии. По свидетельству Андогского, изложенному Иностранцевым, Вацетис рассчитывал использовать слушателей академии в Казани, однако по распоряжению Троцкого академия должна была эвакуироваться в Муром, поэтому предписано было

⁴ В частности, 1 августа из отпуска прибыл бывший Генштаба полковник А.П. Слижиков, а на должность заведующего обучающимися В.И. Оберюхтин.

оставаться на пароходе. Новая эвакуация означала расставание персонала академии с надеждами перейти к противнику и воссоединиться со своими семьями. Профессор Иностранцев прямо заявил, что в Муром не поедет.

Андогский по-прежнему всего опасался, тем более что в Казани находился видный чекист М.Я. Лацис, руководивший ЧК и военным трибуналом 5-й армии Восточного фронта и отличавшийся беспощадностью. Не случайно среди противников нового режима получила распространение поговорка: «Лучше к Дзержинскому в Москву, чем к Лацису в Казань». В итоге было решено, как и в Екатеринбурге, пытаться оттянуть эвакуацию в надежде на освобождение от красных. Сделать это (под предлогом нехватки времени в связи с загруженностью оперативной работой) пытались уже не от имени академии, а от имени штаба Вацетиса, где служили многие слушатели. Чтобы обезопасить академию от революционных матросов, по распоряжению Вацетиса на ночь пароход бросил якорь на середине Волги. Иностранцев отметил: «В лице командующего большевистским фронтом мы приобрели нашего хранителя, не будь которого мы, возможно, и закончили бы на казанской пристани не только свое путешествие, но и вообще свой жизненный путь» [9, л. 368].

Удалось добиться разрешения на выгрузку академии. В Казани имущество академии было размещено в здании Коммерческого училища на улице Карла Маркса (бывшей Грузинской). Члены конференции были размещены в гостинице «Волга» на Большой Лядской улице неподалеку от ГубЧК, возможно, неслучайно. Переезд персонала академии с обозом в центр города был необычным зрелищем: «На подводах был навален багаж, а около них следовали все служащие и все слушатели академии во главе с самим ее начальником. Так как обоз был довольно длинный и имел, таким образом, весьма своеобразный вид, то он не мог не привлекать внимания и любопытных взоров представителей местного населения, останавливавшихся, чтобы его рассмотреть, открывавших окна в домах и толпившихся на перекрестках улиц. Неко-

торые из них задавали вопрос: что это за часть и, получив в ответ, что это не часть, а военная академия, приходили в окончательное недоумение.

Миновав татарский квартал, расположенный недалеко от пристаней, мы стали подниматься в гору к центру города. Последний произвел на нас вполне благоприятное впечатление и был много лучше не только, конечно, чем Пермь, но даже чем Екатеринбург. В особенности подкупало большое количество зелени в городе в виде скверов и частных садов.

Пройдя несколько главных улиц города, мы оказались перед довольно большим зданием в несколько этажей, на котором была вывеска с надписью «Волга». Это и была гостиница, назначенная для нашего размещения» [9, л. 369].

Коммерческое училище, отведенное академии, по воспоминаниям Иностранцева, «находилось весьма недалеко от гостиницы... Так как академия была теперь «налегке», то помещения училища были, конечно, для вмещения академического имущества вполне достаточными, а сами по себе были чисты и содержались в порядке» [9, л. 370]. В здании училища каждую ночь служащие должны были ночевать посменно для охраны имущества. Андогский признал, что учебный процесс в Казани открыть не удастся, но организовал помещение для заседаний конференции академии и для общего сбора.

Уже в Казани к академии 1 августа присоединились вернувшийся из отпуска бывший Генштаба полковник А.П. Слижиков, бывший Генштаба подполковник В.И. Оберюхтин, назначенный заведующим обучающимися [42, л. 236], а также профессор, бывший Генштаба генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин, прибывший из Петрограда, где он пристраивал свои коллекции картин, гравюр и автографов. Не вернувшийся в академию бывший штаб-офицер, прежний заведующий обучающимися Генштаба полковник Р.К. фон Дрейлинг был исключен из списков (с осени 1917 г. служил в Добровольческой армии).

Прибытие академии было как нельзя кстати для красных, испытывавших под Казанью острую нехватку генштабистов.

Штаб советского Восточного фронта был завален работой, для выполнения которой имевшихся трех генштабистов было недостаточно [50, л. 249]. Состояние других штабов также оставляло желать много лучшего. Штаб 5-й армии до конца августа фактически еще не был сформирован [38, л. 17]. Бывший Генштаба полковник Н.В. Соллогуб в августе 1918 г. отмечал: «Должен сказать, что в Казани, когда я приехал, из лиц Генерального штаба в штабе фронта был я один и положение было таково, что там не имели сведений ни о том, где наши войска, ни где войска противника и для того, чтобы поставить штаб фронта на должную высоту, я предложил разрешить пригласить бывших офицеров, как интеллигентных работников, которые сколько-нибудь знают работу, причем я оговорил, что так как не желаю, чтобы меня обвиняли в сепаратных стремлениях, то всех офицеров я провожу через губернский комиссариат, который дает справку насколько они замешаны или не замешаны в каких-нибудь организациях. Я так сделал и получил в конце концов более или менее организованный штаб... То, что я увидел в поезде т. [К.А.] Мехоношина (члена РВС Восточного фронта – А. Г.), способно только дискредитировать любую власть, но не привлечь какую-нибудь симпатию. С военной точки зрения это были люди совершенно не образованные и даже безграмотные» [40, л. 2–3].

Командующий советским Восточным фронтом И.И. Вацетис хотел использовать слушателей академии для укрепления фронта и даже обращался с подобной просьбой еще до приезда академии, в конце июля 1918 г., в Высший Военный Совет и в наркомат по военным делам [17, с. 408], однако из этого ничего не вышло. Как впоследствии вспоминал он сам, «командный состав, как для Казанской дивизии, так и для рабочих дружин, мы полагали найти среди слушателей Военной академии, которая по моему ходатайству была эвакуирована в Казань. 2-го августа она прибыла и, разместившись в здании Коммерческого училища, приступила к своим военнанаучным занятиям» [9, л. 398–399]. На следующий день часть слушателей получила

предписания отправиться в советские штабы [30, л. 32].

4 августа Вацетис встретился с преподавателями и слушателями. По описанию Иностранцева, советский командующий поздоровался со всеми членами конференции и уехал. Рябиков отметил, что «представление состоялось и прошло очень быстро, так как каждый называл лишь свою фамилию, а Вацетис, имевший довольно смущенный вид, почти ничего не говорил. Он даже сказал, что напрасно вы беспокоились, так как он не имел этого «представления», а только хотел посетить академию» [8, л. 123].

В мемуарах Вацетиса его встреча с персоналом академии изложена по-другому. Перед ним предстали порядка 50 слушателей, тогда как остальные находились в отпусках или в 3-й армии. Выступив перед слушателями, Вацетис попросил выйти вперед тех, кто согласен участвовать в защите Казани в рядах 5-й армии. Вышло не более 5–6 человек. «Остальные, в том числе, вероятно, и поспевшие уехать в отпуск, по-видимому, не имели готового решения в вопросе, на чью сторону стать и заняли, если не враждебную, то, во всяком случае, выжидательную позицию. Среди профессуры тоже не нашлось желающих стать в ряды Красной армии. Таким образом, мои хлопоты о переводе академии в Казань оказались напрасными...» [50, л. 399]. По мнению Вацетиса, такая академия не была нужна Красной армии [50, л. 400]. Как отмечал он впоследствии, «старая академия продолжала существовать (в РККА. – А.Г.) как слепая кишка в организме, пока не случился с ней тот аппендицит, который потребовал ее удаления» [50, л. 626]. Впрочем, за этой жесткой оценкой вполне могло скрываться стремление оправдаться за потерю академии в Казани.

Противоположное свидетельство содержится в мемуарах Иностранцева, согласно которым Вацетис накануне сдачи Казани собрал слушателей академии, служивших в штабе фронта, и заявил им: «Казань удержаться не может, и белые возьмут ее, если не сегодня, так завтра. Штаб фронта придется уводить. Вы, как кадровые офицеры, конечно, знаете, что вам надо делать. Мне

же остается лишь сырая могила» [9, л. 402]. Впрочем, этот рассказ представляется маловероятным.

Иностранцев отмечал, что «по сравнению с Екатеринбургом Казань представляла собою кипящий революционный котел, в котором рекомендовалось не задерживаться» [9, л. 376]. В городе проводились облавы, в связи с чем Андогский рекомендовал всем разъезжаться по частным квартирам, что и было сделано. Группа профессоров и преподавателей (Б.М. Колюбакин, В.И. Сурин, А.Д. Сыромятников, П.Л. Томашевский) разместились в особняке казанского профессора А.Н. Казем-Бека, служившем для академии сборным пунктом и местом, где заседала конференция. П.Ф. Рябиков нашел частную квартиру, причем на случай бегства квартира находилась недалеко от кладбища, где можно было укрыться в стоявших открытыми склепах. Иностранцев, поселившийся на Пушкинской улице, планировал при необходимости укрыться в садах, спускавшихся к реке Казанке, а далее переправиться на другой берег, находившийся за городской чертой.

Оперативную информацию профессорско-преподавательский состав академии получал от своих же слушателей, работавших в штабе фронта, причем сам Андогский там бывал неоднократно. Как отмечал один из участников событий с советской стороны, «в городе и в самом штабе работала прекрасно организованная контрреволюционная группа офицерства, имевшая связи с различными городами Советской Республики и Москвой. В эту организацию были вовлечены чуть ли не все офицеры Казанского гарнизона и штаба Вост[очного] фронта (из всех офицеров штаба остались нам верными только 25–30 чел.). Мне думается, что в исходе боя в самом городе Казани организованное офицерство и сыграло решающую роль» [16, с. 90]. Насколько такие резкие оценки достоверны, сказать трудно.

Рябиков вспоминал, что «все пребывание в Казани имело целью возможно менее себя выявить, и о себе напоминать и выжидать событий, которые должны были разыграться и в Казани» [8, л. 123]. Члены кон-

ференции даже не ходили в академию и лишь иногда встречались в городе.

В начале августа 1918 г. развернулась ожесточенная борьба за Казань, которая 7 августа была занята частями Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча). Якобы Вацетис убедил Троцкого в том, что положение Казани достаточно прочное. Возможно, свою роль сыграла работа на противника кого-то из штабных работников – бывших слушателей академии.

По свидетельству бежавших от белых осенью 1918 г. слушателей младшего ускоренного курса большевика А.А. Полякова и, видимо, В.М. Григоровича (фамилии в статье зашифрованы), падение Казани оказалось для них полной неожиданностью, т. к. ни комиссар академии, ни курсовые старосты их ни о чем не информировали. С другой стороны, иного оправдания попаданию в плен к противникам большевиков вернувшиеся в Советскую Россию слушатели дать не могли. «Нервность слушателей, находящихся в стенах академии, в виду полной неопределенности положения достигла крайнего напряжения, собирались разрозненными кучками, выжидая распоряжений руководителей» [21]. Речь шла о слушателях младшего курса, тогда как старший класс 3-й очереди по тому же свидетельству держался обособленно. Это и неудивительно, если учесть, что на младшем курсе было немало большевиков, для которых перспектива попадания в плен не сулила ничего хорошего. Часть слушателей младшего курса в итоге ушла к красным. Сделано это было, как по идейным причинам, так и в силу обстоятельств (например, многие находились в это время в отпусках и командировках). Вместе с тем, нами обнаружены упоминания не менее чем о 76 слушателях, попавших в антибольшевистский лагерь и поступивших в Народную армию и в другие формирования [29, л. 33–34 об.; 30, л. 40 об.]. Вернувшиеся к красным утверждали, что академическое начальство в Казани провело совещание, на котором постановило не делать никаких выступлений.

В мемуарах профессора Иностранцева Вацетис представлен чуть ли не как тайный

сторонник белых, что вряд ли имело место. Тем более что Вацетис с винтовкой в руках принимал даже личное участие в боях на улицах Казани [49, л. 7]. Впоследствии Андогский заявлял, что якобы Лацис приказал расстрелять членов конференции и слушателей [43, л. 3 об.]. Едва ли дело могло обстоять таким образом. Никаких доказательств этому, кроме заявления самого Андогского, заинтересованного показать себя перед белыми жертвой большевиков, нет. Впоследствии опровергал эти утверждения и очевидец событий, противник Андогского, прапорщик Ф.Ф. Клепиков. Тем не менее, в день падения города у Андогского матросами был проведен обыск. Впоследствии выяснилось, что чекисты располагали списком членов академической конференции с указанием адресов тех частных квартир, в которых они поселились [9, л. 401].

Рябиков отмечал, что в связи с боями за Казань «на душе было и радостно, и беспокойно, так как мелкая случайность в виде, например, обыска или просто вторжения в дом красноармейцев могла сразу же нарушить все расчеты и надежды...

Особенно напряженно переживалась последняя ночь... Наконец рано-рано утром 25 июля ст[арого] ст[иля] слышу мерный звук движения пехоты и вижу в окно отряд чехов с красно-белыми значками, в полном порядке проходящих мимо дома.

Немедленно выбегаю, бросаюсь к чехам со словами приветствия и присоединяюсь к ликующим группам населения; кто-то мне сунул винтовку, с которой я и пошел разыскивать начальника академии.

На улице же встретил генерала Ю.Д. Романовского, стоявшего во главе местной белой организации и уже формировавшего отряд.

Радостно с ним расцеловавшись, пошел дальше. У А.И. Андогского уже был кое-кто из наших, выяснилось, что еще совсем недавно недалеко от квартиры Андогского был небольшой бой» [8, л. 124–124 об.].

Бои за Казань стали важным уроком для зарождавшейся Красной армии. Среди прочего стало ясно, что далеко не все слушатели академии были за белых. Некоторая часть, не только в силу обстоятельств, но и

по иным причинам, в том числе идейным, пошла за большевиками. Не случайно находившийся под Казанью Троцкий издал 11 августа 1918 г. в своем поезде следующий приказ по Красной армии и военному флоту: «В полученных мной донесениях указывается, что многие молодые генштабы (то есть «офицеры Генерального штаба» последних выпусков) в недавних боях на Восточном фронте сражались героически. Считаю долгом своим довести об этом до сведения всей страны. Стало быть, старое кадровое офицерство выделило из себя не одних изменников и тушинских перелетов, которые продают себя поочередно каждой из воюющих сторон. Среди молодых «генштабов» немало таких, которых революция связала с рабочим народом и советской властью. Честь им и место. Изменники будут раздавлены, а молодые генштабы будут призваны строить Рабочую и Крестьянскую Красную армию возрожденной России» [48, л. 29]. С этим был согласен и Вацетис, по свидетельству которого «молодые генштабы (т. е. генштабисты. – А.Г.), приданные штабу, исполняли свой долг честно и самоотверженно» [49, л. 9].

Андогский и Иностранцев отмечали, что освободившие город от красных Генштаба подполковник В.О. Каппель и капитан А.П. Степанов оба учились в военной академии. Если в отношении Каппеля сомнений в этом нет, то со Степановым имеет место определенная путаница. В академии учился Александр Петрович Степанов, окончивший ее в 1912 г., имевший на 1917 г. звания подполковника и полковника, а в период Гражданской войны служивший на белом Юге. Однако к освободителю Казани, своему полному тезке, находившемуся в 1917 г. в чине штабс-капитана и капитана и служившему в отдельном Чехословацком стрелковом корпусе, он отношения не имел. Вместе с тем, среди документов об отчисленных в марте 1917 г. по собственному желанию с подготовительных курсов 2-й очереди Николаевской военной академии удалось обнаружить упоминание и. д. обер-офицера для поручений при штабе XXXIX армейского корпуса, 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка капитана Степанова [26, л. 42–46 об.; 27, л. 588]. По-

скольким курсам открылись 1 февраля 1917 г., Степанов проучился на них около полутора месяцев, рапорт его об откомандировании в штаб своего корпуса датирован 16 марта 1917 г. [28, л. 211 об.] Разумеется, по дореволюционным правилам он не мог считаться генштабистом.

Однако казанский Степанов старательно поддерживал миф о своей принадлежности к корпорации генштабистов. В Бахметевском архиве Колумбийского университета автору удалось обнаружить любопытное свидетельство, проясняющее этот момент и свидетельствующее об авантюризме Степанова. По свидетельству лично знавшего Степанова и также обучавшегося на ускоренных курсах академии полковника Е.Э. Месснера, «когда за Волгой появился [Чехословацкий] легион, Степанов снова вступил в его состав (командиром полка, как и прежде). Стал делать быструю карьеру и во времена Директории стал полковником и командиром одного из корпусов. Затем его карьера как-то и почему-то оборвалась. В конце 20-х годов он с женой появился в Белграде и просил военное министерство дать ему должность, как офицеру Генерального штаба. Министерство запрсило общество офицеров Генерального штаба. В общество был вызван Степанов для дачи объяснения, каким образом он стал офицером Генерального штаба? Он показал адресованное ему письмо ген. Дитерихса, который по какому-то случаю просил Степанова «... позаботиться о наших, офицеров Генерального штаба, семьях. Мы Вас считаем своим». Эти слова, «мы вас считаем своим» Степанов толковал как включение его в корпус Генерального штаба. Общество офицеров Генерального штаба, конечно, с таким толкованием не согласилось (мне в связи с этим г[оспо]жа Степанова сказала, что в этом обществе – «ужасные люди») и об этом сообщило военному министерству. Последнее дало Степанову службишку в интендантстве. Это Степанова не устроило, и он задумал снова ставить ставку на чехов» [6, с. 2374].

Ценнейшее и подробное свидетельство о захвате личного состава академии в Казани оставил близкий друг и соратник известного политического деятеля того вре-

мени, руководителя «Союза защиты родины и свободы» Б.В. Савинкова по подпольной борьбе прапорщик Ф.Ф. Клепиков. Клепиков участвовал в уличных боях при штурме Казани, начиная с 5 августа, вместе с полуэскадром корнета Б.К. Фортунатова из отряда Каппеля, чехословаками капитана Степанова, сербами майора М. Благодича и группой савинковцев под началом поручика Балужева. 6 августа штаб отряда располагался на Рыбнорядной улице, куда в этот день прибыл еще один из савинковцев Генштаба генерал-лейтенант Ф.П. Панов. С целью захвата штаба советского Восточного фронта, находившегося во флигеле гостиницы П.В. Щетинкина, небольшой отряд был выдвинут на Большую Проломную улицу. После захвата здания штаба Клепиков с двумя офицерами стал прочесывать город, стремясь занять здания академии.

Поскольку Клепиков был командирован Савинковым в Казань еще в июле, после провала антибольшевистских восстаний в Ярославле и Рыбинске, он имел возможность ежедневно бывать в гостинице «Волга» с разведывательными целями и даже обедал там в ресторане. По утверждению Клепикова, он постоянно видел в ресторане начальника академии Андогского, профессора М.А. Иностранцева, слушателя, бывшего ротмистра Б.Э. фон Ваха и других. Клепиков утверждал, что академия и ее персонал в Казани были размещены в очень хороших условиях. «Квартира для него (Андогского. – А.Г.) реквизирована была на улице Гоголя, а визитная карточка его красовалась на номерной доске в гостинице «Волга». Без ведома большевистского учреждения по отводу комнат ни один домовой комитет в Казани комнат не уступал, а потому и для других чинов комнаты были предоставлены по способу красной реквизиции. Для академии было реквизировано здание коммерческого училища» [4].

По мнению Клепикова, «вся академия Генерального штаба с профессорами и 300 обучавшимися старыми кадровыми офицерами прежней армии осталась на службе у большевиков добровольно с первого же дня большевистского переворота, которые создавали Красную армию и вели операции против белых войск и обслуживали совет-

скую власть» [4]. Понятно, что белый подпольщик, люто ненавидевший большевиков, не собирался вникать в обстоятельства и причины пребывания академии у красных. Тем не менее, его свидетельство о событиях в Казани уникально.

Клепиков писал: «Вот к такому-то центру большевистской военно-государственной мысли, к гнезду «тушинцев»⁵ и предателей, носивших пентаграмму⁶, я бросился со своими двумя товарищами-офицерами. В гостиницу «Волга» мы вошли около девяти с половиной часов утра. В другой редакции того же текста указано время 9.20 [22, с. 51].

Низ гостиницы был полон красноармейским Генеральным штабом. Все они суетливо толкались, готовясь броситься к Арскому полю, вслед за удиравшими красноармейцами, но еще не вполне ориентированные в истинном положении дел. Криками мы заставили их подняться на верхний этаж и, ворвавшись в коридор, заставили обитателей апартаментов выйти в коридор вместе с их дамами. Вышли и начальник академии, и его достойнейшая профессура. Все они были в величайшем смущении и в полнейшем упадке духа: кончились золотые дни Аранжуэца⁷. Отделив дам и объявив их свободными, мы направили револьверы на господ руководителей победной мысли и загнали всех в угол коридора. Покорно, как бараны, трусливо сбились они в одну кучу, не оказав ни сопротивления, ни протеста. Объявив им, что они арестованы, я оставил для их окарауливания двух моих товарищей, бросился за сербским конвоем, чтобы препроводить всю академию в казармы сербского отряда майора Благодича. Я знал, что их там ожидает. Сербы отличались большою ненавистью к предателям и пощады от них не было...» [4].

Освободившиеся женщины бросились в штаб командующего Северной группой войск капитана А.П. Степанова и потребовали освобождения своих мужей. Вскоре

Клепиков получил записку командующего (он считал Степанова одним из выпускников академии), потребовавшего немедленного освобождения всех арестованных. Клепиков в связи с этим вспоминал: «Сопровождавшие меня офицеры весьма настаивали на немедленном расстреле во дворе гостиницы некоторых арестованных, а в особенности на расстреле начальника академии генерала Андогского – участника Брест-Литовского «похабного» мира. Но я, хватив сгоряча по родительскому поминанию в адрес командования Северной группы войск, принужден был повиноваться.

Взятая мною в плен красная академия Генерального штаба в составе около 350 человек на второй или третий день, за немногими исключениями, постаралась с разрешения штаба командования проскользнуть в Самару и далее в Сибирь. Жаль, что далеко не всех пленников-предателей постигает одинаковая участь: иные расстреливаются, а иные преблагополучно благоденствуют. Но история еще не сказала своего последнего слова...» [4].

В статье «Красная паутина», опубликованной в 167 номере газеты «Свободное слово» (Тюмень) за 1919 г. и представлявшей ответ на статью Андогского об академии, Клепиков продолжил свои воспоминания о Казани. По его свидетельству, «Андогский оказался одним из объектов, против которого мне пришлось применить силу и потому припомнить его в моих воспоминаниях. В гостинице «Волга» я его арестовал; если бы я тогда знал, что это он – то лицо, которое принимало участие в заключении «похабного» Брестского мира, я бы застрелил его там же, на месте, не считаясь ни с какими записками капитана Степанова. Подтверждаю, что он, Андогский и сопутствовавшая ему клика, трусливо под дулом моего револьвера сбилась в кучу в коридоре гостиницы и не были сразу направлены в казарменную тюрьму сербского отряда майора Благодича только по отсутствию со мною конвоиров. Участники ареста – офицеры. По освобождении г. Казани предъявлю и других свидетелей, знающих г[осподина] Андогского и оказавших мне содействие» [4].

⁵ Тушинцы – перебежчики в лагерь Лжедмитрия II в период Смуты в 1608–1609 гг.

⁶ Т. е. красную звезду.

⁷ Цитата из трагедии «Дон-Карлос, инфант Испанский» И.Ф. Шиллера. Аранхуэс или Аранжуэц – дворец испанского короля.

Думается, Клепиков несколько преувеличил собственную решимость, т. к. если верить первоначальному его свидетельству, он прекрасно знал, как выглядит Андогский и был вполне осведомлен о том, что тот участвовал в брест-литовских переговорах. Вопрос о том, достойно ли вел себя фанатичный Клепиков, угрожая револьвером безоружным и доброжелательно настроенным слушателям академии и немолодым преподавателям, оставим на его совести. Андогский же впоследствии факт ареста академии в гостинице отрицал.

Непосредственно в день взятия Казани, 7 августа 1918 г., Генштаба подполковник В.О. Каппель выдал Андогскому специальное удостоверение личности № 300, в котором рукой Андогского было написано: «Предъявитель сего есть действительно начальник академии Генерального штаба, профессор Александр Иванович Андогский, что подписью и приложением печати удостоверяется» [31, л. 2]. Каппель был указан в документе как командующий войсками Народной армии. Документ заверил начальник штаба штабс-капитан Максимов. На документе стояла печать Самарского отряда Народной армии. Вероятно, выдача такого удостоверения требовалась для того, чтобы обезопасить начальника академии от тех, кто наподобие Клепикова стремился его расстрелять за сотрудничество с большевиками.

Выпускник ускоренных курсов капитан И.В. Зуев вспоминал: «Возможно, что академию спасло стремительное наступление из Сибири, вызвавшее эвакуацию из Екатеринбурга. Академии срочно приказано было выехать в Пермь, куда стремительно бежал и весь Екатеринбургский совдеп. За отъездом академии из Екатеринбурга, там осталось тайно около 70 слушателей, которые по занятии города чехами присоединились к ним и организовали дальнейшую борьбу с большевиками. По прибытии академии в г. Пермь, генералу Андогскому удалось выхлопотать отправление академии по р. Каме в Казань, куда она прибыла в конце июля 1918 года. В Казани в это время большевистскими войсками командовал генерал Вацетис (на самом деле – бывший полковник. – А.Г.). В городе было

напряженное положение – со стороны Симбирска к Казани приближались чехи. Чекист Латис (Лацис – А.Г.) настаивал перед большевистской властью о расстреле офицеров академии, штаб же генерала Вацетиса, помещавшийся в номерах Щетинкина на Проломной ул., потребовал 10 слушателей для занятия должностей Генерального штаба. Через несколько дней по прибытии академии в Казань, смешанный русско-чешский отряд под командой капитана Степанова почти без боя занял Казань. Большевистские части, заслышав орудийные выстрелы отряда капитана Степанова, поспешно оставили Казань. Накануне оставления большевиками города генерал Вацетис конфиденциально объявил слушателям академии, находившимся в его штабе, что его войска ночью оставляют город и что они могут остаться в городе. Этот совет был выполнен. С прибытием в Казань чехов академия, оставив в штабе отряда капитана Степанова, переименованного в штаб Северной группы, 7 слушателей для занятия должностей Генерального штаба, выехала в г. Самару, а оттуда в г. Омск. И так академия после 10-месячного пребывания во власти большевиков, наконец, вырвалась к тем, кто был для всего состава ее наиболее близким и желанным. Беспристрастная история по заслугам оценит деятельность начальника академии генерала Андогского за этот десятимесячный период. Что же касается всего личного состава академии, то прибытие около 200 кадровых офицеров, подготовленных к службе на должностях Генерального штаба, было ценнейшим вкладом, какой могла преподнести Военная академия русским войскам, дравшимся за имя, честь и процветание дорогой нам России» [15]. В этом свидетельстве интересно указание на тайную рекомендацию Вацетиса, если, конечно, эти данные достоверны. Кроме того, они соответствуют воспоминаниям профессора Иностранцева. Однако в неопубликованных мемуарах Вацетиса приведены иные сведения.

Итак, обе части академии оказалась в антибольшевистском лагере. Если казанская часть была захвачена Народной армией, то екатеринбургская – Сибирской армией. Эти армии были различны по своей по-

литической ориентации и подчинялись разным правительствам. Тем не менее, факт перехода обеих частей академии на сторону антибольшевистских сил подтверждает добровольность случившегося. Вместе с тем, этот переход произошел при столь сложной обстановке на фронте, что в зависимости от политической конъюнктуры перешедшие с одинаковым успехом могли говорить о том, что попали в другой лагерь добровольно, либо о том, что были захвачены в плен, не имея возможности избежать пленения.

При взятии Казани часть слушателей младшего ускоренного курса разбежалась. Остались, по свидетельству Иностранцева, не более 15 человек из 75 приехавших с академией. Впрочем, Иностранцев вольно или невольно искажил реальную картину. По документам академии, на сторону Народной армии перешли практически все прибывшие в Казань – не менее 71 человека. Помимо них некоторые оказавшиеся в Казани считались военнопленными и позднее перебежали к красным. Кроме этой группы несколько слушателей ускоренного курса остались в Екатеринбурге или участвовали в походе отряда Румши и в итоге поступили в Сибирскую армию. Всего в разных местах на сторону антибольшевистских сил перешло не менее 76 слушателей ускоренного курса. Интересно, что оставшиеся уже в августе 1918 г. настаивали на продолжении обучения в академии (впрочем, дело с их ходатайствами в советское время было уничтожено [47, л. 5]). Слушатели провели совещания по текущему моменту, причем представители младшего курса составили перечень вопросов, ответы на которые необходимо было получить у новых властей: «1) Будут ли слушатели арестованы? 2) Как будут власти считать слушателей – гражданами или военными служащими? 3) Каково будет отношение властей к академии: как вообще к учебному заведению или [как к] военно-учебному?» [21]. К помощнику управляющего военным ведомством Комуча В.И. Лебедеву была направлена делегация из двух подполковников, которые должны были способствовать избавлению от тюрьмы и расстрела оставшихся слушателей-большевиков.

По некоторым данным, Андогский добился от Лебедева признания академии новыми хозяевами Казани «государственным экстерриториальным учебным заведением» [21]. Также были получены заверения в том, что репрессий не будет, однако всех слушателей младшего курса отчислили от академии и по приказанию управляющего военным ведомством Комуча от 7 августа 1918 г. откомандировали в части Народной армии [42, л. 237 об.]. По свидетельству вернувшихся к большевикам осенью 1918 г. слушателей, роспуск был вызван сомнительным политическим прошлым курса [21]. Возможно, еще одной причиной расформирования стала малочисленность оставшихся в Казани слушателей этого курса.

Занявшие Казань силы Народной армии раздали персоналу академии оружие (каждый получил трехлинейную винтовку со штыком, две патронных сумки, шашку солдатского образца и Наган). По словесному приказу помощника управляющего военным ведомством Комуча В.И. Лебедева вечером 8 августа академии надлежало погрузиться на пароход для отправления в Самару в распоряжение Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Лошади перевозились на барже, которая теперь не была пришвартована к борту, а соединялась с пароходом буксирным тросом. На всякий случай пароход был вооружен двумя пулеметами (на носу и на корме), а личный состав академии Андогским был разделен на два взвода со старшими во главе каждого, причем намечено было нести шестичасовые дежурства и находиться в постоянной боеготовности на случай нападения. Слушатели младшего курса утверждали, что вооружены были только старшекурсники [21]. В Казани был оставлен груз академического кооператива со слушателем Н.Н. Савельевым [32, л. 4].

9 августа академия на пароходе «Амур» прибыла в Симбирск и в тот же день отправилась далее в Самару, куда прибыла на следующий день [45, л. 78–79]. Составу академии было предписано оставаться на борту до получения распоряжений от управляющего военным ведомством Комуча Генштаба полковника Н.А. Галкина, который лично знал некоторых представите-

лей академии. Андогский переход от красных к эсерам прокомментировал следующим образом: «Думаю, что это все же лучше. По крайней мере, жизни нашей не будет грозить ежеминутной опасности, и мы будем сыты» [9, л. 404]. Тогда же была отправлена успокоительная телеграмма в Екатеринбург, прояснившая оставшимся там сотрудникам и родственникам служащих судьбу казанской части академии. Телеграмма была получена в Екатеринбурге 11 августа. По свидетельству А.Т. Антоновича, «остававшиеся здесь, в Екатеринбурге, семьи, изболевшиеся душой за судьбу близких, ликуют, торжествуют и учитывают время прибытия» [18, с. 385].

По свидетельству подполковника И.С. Ильина, «из Казани на баржах прибыла академия Генштаба во главе с ген.-майором Андогским. Штаб наш сильно разбух. Было много интересных рассказов про Екатеринбург, куда большевики эвакуировали академию» [20, с. 223–224]. «Ген[ерал] Андогский, нач[альник] академии, и все слушатели были прикомандированы к нашему штабу, однако никто никакого назначения не получал. Академия, со всеми слушателями, служащим персоналом, лошадьми, канцелярией, архивом помещалась на большой барже, которая стояла у берега против дома Сурошникова. Старые офицеры Генштаба – Болдырев, Розанов, Андогский, его помощник полк[овник] Слижиков неистово критиковали Галкина, с.-ровского «выскачку», порядки в штабе, новый устав и т. д.» [20, с. 236–237].

Постановлением Комуча академия получила наименование «Всероссийской академии Генерального штаба», что было объявлено в приказе по академии № 24 от 15 августа 1918 г. [45, л. 77]. Интересно, что на заседании Комуча 14 августа помимо переименования академии было вынесено постановление «принять меры к тому, чтобы личный состав академии и имущество ее были задержаны на территории Комитета членов Учредительного собрания» [19, с. 63]. Однако выполнить это решение на деле оказалось невозможно.

На антибольшевистской территории надлежало «всем чинам постоянного и временного состава именоваться теми чина-

ми и званиями, кои они имели до большевистского переворота» [45, л. 75]. Руководство академии встречалось с руководителями военного ведомства Комуча и представителями чешского командования, причем начальник полевого штаба фронта Генштаба полковник С.А. Щепихин даже выступил перед конференцией академии с докладом о положении на фронте.

11 августа в Самаре состоялось заседание конференции академии, на котором обсуждались текущие события. Среди прочего, обсуждался вопрос о поведении ординарного профессора А.Ф. Матковского, который не выполнил постановления конференции о выезде из Екатеринбурга. Впоследствии Матковский был отчислен от должности профессора с 9 сентября 1918 г.

Большинство членов конференции не стремились сотрудничать с Комучом, предпочитая вернуться в Екатеринбург. Но в знак благодарности за спасение от красных часть офицеров необходимо было оставить. Решили оставить в Самаре шесть младших членов конференции – Генштаба генерал-майора В.И. Сурина, Генштаба полковников В.Н. Касаткина, Г.В. Леонова, А.П. Слижикова, полковника Н.И. Коханова и Генштаба подполковника А.Д. Сыромятникова. Но Сурин и Коханов из-за необходимости соединиться с семьями отправились в Екатеринбург, с тем, чтобы позднее вернуться. Преподаватели и администрация академии получили ответственные назначения. 14 августа Слижиков, Леонов, Касаткин, Оберюхтин и Сыромятников отправились в распоряжение управляющего военным ведомством Комуча [42, л. 239]. В Самаре предполагалось оставить и около трети слушателей. Но так как последние также не хотели оставаться, вопрос был решен жеребьевкой.

Активное использование казанской части слушателей старшего класса началось сразу после перехода академии. Эта часть слушателей воспринималась как практически готовые младшие офицеры Генштаба. Часть из них была оставлена в Казани для помощи Каппелю и Степанову, другие получили назначения на фронты и в органы военного управления.

**Распределение слушателей старшего класса 3-й очереди академии по фронтам и штабам Народной армии Комуча. Август 1918 г.
[13, с. 508–519; 42, л. 237–238]**

Местонахождение	Слушатели
На Самарском фронте	В.В. Алексеев, В.Ф. Андреев, Д.П. Артынов, К.И. Блинов, А.С. Бодров, М.И. Василенко, Н.А. Денисов, В.Н. Клачков (Клочков), К.И. Клуге, С.Ф. Корнилов, А.А. Мирошников, П.Г. Ойнас, К. Петров-Колесин, Н.Г. Позаченюк-Старжинский, А.И. Соколов, В.Н. Троицкий, П.С. Черкасов, В.В. Шмигель, Е.И. Шуминский
В распоряжении капитана А.П. Степанова	М.П. Базыленок, Ф.Н. Бунак, А. Вегенер, Войдаков, Г.М. Горбачевский, П.Я. Даукш, И.В. Зуев, А.И. Колесниченко, Н.О. Масыгин, И.П. Пацковский, М.С. Перестай, Г.Ф. Радоман, П.К. Семенов, К.Р. фон дер Ховен
В распоряжении Генштаба подполковника В.О. Каппеля	А.П. Булавинов, Н.Г. Волков, Н.И. Гуммель, Г.А. Дубовик, А.Г. Ефимов, Калаушин, В.М. Корженко, А.В. Костржицкий, Л.Л. Ловцевич, В.П. Озолин, Б.Ф. Пуляшко, И.Ф. Ромеров, В.С. Тимофеев, В.О. Шимановский
В распоряжении Генштаба генерал-лейтенанта В.В. Рычкова	А.П. Голышев, князь Н. Кропоткин, Б.И. Попов
Прикомандированы к Главному управлению Генерального штаба	Б.Э. фон Вах, Влесков, Н.И. Герасимович, П.К. Гренгаген, М.Т. Евстратов, Зайцев, Н.О. Каплинский (первоначально указан на Самарском фронте), К.Л. Кононов, А.Н. Королев, С.Н. Кравцов (первоначально указан на Самарском фронте), Н.Г. Кривцов (первоначально указан на Самарском фронте), Г.И. Кулешов, Л. Лихтарович, А.А. Мирошников, Н.Н. Нелавицкий, П.Л. Островский, М.Е. Остроумов, В.Н. Отрыганьев, Н.Г. Позаченюк-Старжинский, Попов, А.И. Савчук, С.А. Скрябин, П.Н. Соколов, Г.А. Тонкошкур, Г.К. Холоманов, Н.В. Шаркунов, Г.В. Щепин, В.В. Яхимович

Положение курсовиков, оставленных в Поволжье, к началу осени 1918 г. известно из письма Генштаба подполковника В.И. Оберюхтина Андогскому: «Со времени отъезда академии из Самары, оставшиеся здесь ее питомцы разбрелись по своим должностям и приступили к работе.

Конечно, работа, как всегда и всюду у нас, велась недостаточно энергично, с трениями, а, самое главное, – отсутствие твердой единой цели, неясность и нерешительность были основной причиной тормоза. Это прозябание имеет место и по сие время. Все ждут результатов Уфимского Сопещения...

Курсовики старшего курса все распределены по должностям в штабах или центральных учреждениях. Курсовики младшего курса – в строевых частях Самарского гарнизона. Несут службу хорошо. Некоторые из них взяты в штабы. «Историй» с ними не было. Положение курсовиков в Казани, судя по словам ездившего туда Василия Николаевича Касаткина и прибывших оттуда курсовиков, неважное. Во 1-х – из числа 15 чел., находящихся в Казани, лишь 5 состоят на штатных должностях; остальные же – в прикомандировании и несут самые разнообразные поручения вплоть до комендантства и командования ротами и

отрядами. Г[енерал] Романовский относится к курсовикам очень пренебрежительно и недоверчиво. Отношения его с полк[овником] Степановым натянуты. Курсовики стремятся уйти оттуда, полк[овник] Степанов, по словам их, разрешил всем, не занимающим штатных должностей, отбыть из Казани, но ген[ерал] Романовский их удерживает. Телеграммы полк[овника] Леонова действия не возымели. Пока все остается по-старому не решенным.

Все вообще курсовики крайне заинтересованы своей будущей судьбой и все спрашивают, когда же и будет ли функционировать академия.

Конечно, ответа им дать не могу, утешаю надеждой и терпением...

Повторяю, что работать нельзя, ибо все заведено для бутафории; штаты до сих пор не утверждены; кардинальные вопросы не решены, все тянется и переваливается, а в общем – застой, близкий к началу распада. Нужен сильный и энергичный военный министр вместо г[осподина] Галкина, последний же не подходит к занимаемой роли» [34, л. 10–11 об.].

Более точное свидетельство о курсовиках, оставшихся в Казани, было направлено Андогскому Генштаба полковником В.Н. Касаткиным 31 августа 1918 г. В письме было отмечено: «Живут они (курсвики. – А.Г.), несмотря на чисто боевую обстановку (орудия гремят день и ночь) дружно, много и любовно работают. Дело, видимо, поставлено у них отлично. Работы очень много, как и следует ожидать в такой сложной обстановке. Но терний, видимо, тоже много.

Первое, что известно недоброжелательство со стороны казанских офицер[ов] Ген[ерального] шт[аба], в частности, со стороны полк[овника] [П.И.] Виноградова и Ко. Этот офицер Ген[ерального] шт[аба] позволил себе открыто инсинуировать по адресу нашей академии, указывая на то, что мы служили «вашим и нашим», что слушатели – «недоноски» и т. д. Подробно расскажет сам Радоман. Интересно, что сам Генштаба полковник П.И. Виноградов до перехода на сторону антибольшевистских сил был зарегистрирован как специалист Генштаба РККА [36, л. 3].

Сам к[омандующий] армией полк[овник] Степанов относится к слушателям хорошо, но Ген[ерального] шт[аба] Романовский – нет. Нач[альник] штаба, видимо, и не доверяет и относится как к недоучкам. Это глубоко обижает этих, во всех отношениях отличных, офицеров, судя по их чисто боевой работе, вполне подготовленных к деятельности кур[сами] Ген[ерального] шт[аба]. Это, конечно, обидно.

Наших офицеров здесь в Казани 19. Кроме того, в войсках (отряде) полк[овника] Каппеля 14 чел. Конечно, этого количества очень много. Страшное желание всех собраться, наконец, в академии и немного отдохнуть от пережитого. Хочется им в этом помочь, тем более, что в Казани и Самаре много окопавшихся оф[ицеров] Ген[ерального] шт[аба]» [34, л. 18].

Все слушатели младшего ускоренного курса получили предписание к 10 утра 17 августа явиться в отдел формирований штаба Народной армии к Генштаба капитану С.Н. Барышникову [45, л. 80]. В отделе слушателям выдавались назначения в строевые части, тогда как старший класс, как известно, был направлен на штабную работу. По свидетельству слушателей младшего курса, восемь человек из их числа были все же арестованы как сочувствующие Советской власти и отправлены на гауптвахту, причем у них изъяли все вещи [21]. Среди арестованных действительно оказалась группа большевиков. Сами арестованные считали причиной репрессий донос своих же товарищей. По некоторым данным, арест продолжался до 4 сентября, после чего арестантов в товарных вагонах отправили в Уфу, причем по дороге трое слушателей (в т. ч. два большевика) выпрыгнули из поезда и бежали, в конце концов, пробравшись к красным [21].

По свидетельству комиссара Ф.П. Никонова, «рассказывают, что баржи академии прибыли в Казань накануне ее падения. Там был целый ряд проволочек. Не давали пароходов и т. п., и они, кажется, застряли в Казани, и во время взятия Казани они остались по ту сторону фронта. Тут часть из нашего младшего курса попала в

ПЛЕН. Там были [К.И.] Янсон и др. Их захватили и повезли в тыл, чтобы расправиться с ними, но по дороге они бежали, соскочив из вагона на полном ходу. А весь старший курс добровольно перешел на сторону Колчака» [41, л. 16].

Остальной состав академии отправился из Самары по железной дороге через Челябинск на Екатеринбург. Удивительно, что Комуч так легко расстался с академией и передал ее Временному Сибирскому правительству, отношения с которым складывались непросто. По всей видимости, не обошлось без вмешательства чехословацкого командования. По другой версии, деятели Комуча опасались профессорско-преподавательского состава, а сами сотрудники академии не горели желанием служить эсеровскому режиму [3].

После воссоединения двух частей академии в Екатеринбурге предполагалось разместить академию либо в Омске – столице Белой Сибири, либо в Томске – главном учебном и научном центре Сибири. 17 августа состоялась встреча Андогского с Генштаба генерал-майором В.Н. Шокоровым, командовавшим отдельным Чехословацким стрелковым корпусом. По итогам встречи Андогский телеграфировал из Челябинска военному министру: «Сего числа явился комкору Чехослов[ацкого] и главному всеми Российскими и союзными войсками генералу Шокорову и получил его приказ эвакуировать академию вглубь территории [в] Омск или Томск, пункт по ближайшему Вашему назначению, где возможно скорее приступить [к] подготовке офицеров Генштаба, [в] коих потребность велика. Еду распорядиться [в] Екатеринбург, откуда через 3 дня выеду [в] Омск явиться Вам. Прошу телеграфировать окончательно пункт, избранный для расположения академии. Ожидаю [в] Екатеринбурге, копию комкору Чехослов[ацкого]» [32, л. 9].

На вокзале Екатеринбурга произошла трогательная встреча расставшихся сотрудников академии и членов их семей. В церкви Епархиального училища был отслужен благодарственный молебен по случаю изгнания академии от большевиков.

Как оказалось, екатеринбургская часть академии за прошедшее время тоже не бездействовала. Профессор А.И. Медведев, например, вошел в комиссию по расследованию гибели императорской семьи. В начале августа из Екатеринбурга в войска были направлены Генштаба полковники Антонович и Киященко, подполковник Осипов [44, л. 48]. Но даже после падения власти большевиков оставшиеся в городе представители академии не имели права проявить себя активными контрреволюционерами, чтобы не подвести тех, кто оставался в красной Казани. Об этом прямо написал в своем дневнике преподаватель академии А.Т. Антонович [18, с. 383].

В условиях нехватки у белых вооружения оказалось востребовано даже то оружие, что было привезено академией из Поволжья. Начальник 2-й Уральской горных стрелков дивизии генерал-майор В.В. Голицын 21 августа 1918 г. обратился к начальнику академии со следующей просьбой: «В эшелоне, прибывшем с академией из Казани, имеются пулеметы и винтовки для охраны эшелона. У нас идет формирование полевых частей, которые испытывают острую нужду в оружии. Для пользы общего дела очень прошу не отказать в передаче имеющегося в эшелоне оружия в мое распоряжение. О последующем прошу уведомить» [33, л. 1]. В итоге в войска было передано 3 винтовки и 2 пулемета. Местонахождение еще около 50 винтовок предстояло выяснить.

В Екатеринбурге было принято окончательное решение относительно профессора Матковского, которого считали поставившим академию в опасное положение, грозившее разгромом. Последний же обвинял академию в добросовестном прислуживании большевикам. По итогам заседания Матковский был исключен из академической конференции. Вскоре управляющим военным министерством Временного Сибирского правительства генерал-майором А.Н. Гришиным-Алмазовым было принято решение о направлении академии в Томск, где академия смогла развернуть подготовку кадров Генштаба уже непосредственно для антибольшевистских формирований. Начался новый этап ее истории.

***

Скитания академии в июле – августе 1918 г. поистине удивительны. Только чудом персонал академии смог практически безболезненно преодолеть все трудности и оказаться в антибольшевистском лагере, как в Екатеринбурге, так и в Казани. Очевидно, что именно к этому и стремился профессорско-преподавательский состав и значительная часть слушателей. Об этом свидетельствуют попытки налаживания связи с белыми и отдельные антибольшевистские высказывания профессорско-преподавательского состава, провоз в составе академического имущества оружия, наличие в академии подпольной антибольшевистской организации слушателей, ушедшей к чехам до падения красного Екатеринбурга, активное участие слушателей академии на руководящих постах в белом подполье в Екатеринбурге и их роль в свержении власти большевиков. Нельзя отрицать и случаи индивидуальных переходов представителей академии в антибольшевистский лагерь (Б.П. Богословский, А.Ф. Матковский и другие, кроме того, в 1918–1919 гг. к белым перешли в других местах некоторые профессора и преподаватели, оставшиеся в Советской России – А.К. Байов, Б.В. Геруа, В.Н. Поляков, И.С. Свищев). Совокупность этих данных свидетельствует о том, что как профессорско-преподавательский состав академии, так и слушатели старшего класса 3-й очереди в целом в этот период были настроены антибольшевистски. Несколько иные настроения имелись у части слушателей младшего ускоренного курса, набранных по принципу лояльности большевикам. В ходе боев за Казань как одни, так и другие смогли сделать свой идейный выбор. Одни – оставшись у красных, другие – перейдя на сторону Народной армии Комуча.

Несмотря на приверженность значительной части постоянного и переменного состава академии антибольшевистским взглядам, перейти на сторону противника в

составе целого учреждения было крайне сложно. По воле случая это удалось осуществить. Было бы неверно утверждать, что переход академии на сторону антибольшевистских сил был полностью спланирован изначально. Сотрудники академии к этому всячески стремились, делали для этого все возможное, но важнейшую роль сыграло стечение обстоятельств, неразбериха, царившая на Урале и в Поволжье. Одним из важнейших стимулов перехода было то, что с падением красного Екатеринбурга на стороне антибольшевистских сил оказались родные и близкие сотрудников академии. Вместе с тем академическое руководство проявляло большую осторожность, выжидало, пытаясь продемонстрировать большевикам свою лояльность, избежать подозрений и репрессий. Представляется, что позиция академического руководства, проявлявшего немалую изворотливость, поставившего во главу угла сбережение персонала академии и ее имущества, была оправданной. В итоге вопрос о характере перехода академии на сторону антибольшевистских сил остается крайне запутанным и по сей день.

Как отмечал слушатель академии полковник Н.Н. Ивановский, «я не хочу винить и критиковать Андогского – его идея, по-видимому, была любой ценой сохранить академию, а что касается принципов и идей, то так или иначе, они приложатся» [2]. В глобальной исторической перспективе идейный раскол белых и красных утратил свою остроту, а то, что в 1918 г. уникальные собрания академии (в т. ч., например, уникальный архив военного министра графа Д.А. Милютин, воспоминания и дневники которого полностью опубликованы только в 1997–2013 гг. и являются одним из важнейших источников по отечественной истории XIX в.) оказались спасены от гибели для будущих поколений, до сих пор остается значимым явлением отечественной истории и культуры.

Статья поступила 01.03. 2014 г.

Библиографический список

1. Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998.
2. Архив Гуверовского института (Hoover Institution archives, Stanford university, HIA). Pavel P. Petrov collection. Box 1. Folder 3.

3. НИА. Pavel P. Petrov collection. Box 1. Folder 5.
4. НИА. Volkogonov collection. Box 1. Folder 7.
5. Бахметевский архив Колумбийского университета (Bakhmeteff Archive, Columbia university, BAR). K.V. Semchevskii collection. Семчевский К.В. Воспоминания. Ч. 5. В Белой Сибири.
6. BAR. Evgenii Eduardovich Messner papers. Box 6. Месснер Е.Э. Шесть десятилетий всемирной революции.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4.
8. ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г.
9. ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4.
10. ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а.
11. ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5.
12. ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 353.
13. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.
14. Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской смуты». М., 2013.
15. Георгиевский день (Харбин). 1932. 09.12.
16. Герман (Тихомиров) Т. Борьба за Казань // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. Казань, 1924. № 1.
17. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 1. Ноябрь 1917 г. – март 1919 г. М., 1971.
18. Дневник генерала Антоновича // Голоса Сибири: Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3.
19. Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Июнь – октябрь 1918 года). М., 2011.
20. Ильин И.С. Комуч // Новый журнал (Нью-Йорк). 1961. Кн. 65.
21. Кин. Мытарства старой академии Генерального штаба // Известия народного комиссариата по военным делам. 1918. № 170. 23.11.
22. Клепиков Ф. Воспоминания о событиях при занятии города Казани чехословаками (из газеты «Свободное Слово» от 18 дек. 1918 г. № 117) // Наш путь. Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП. 1923. № 8.
23. Кручинин А.М. Падение красного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005.
24. Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция К.В. Семчевского. Box 1. Folder 28.
25. Плотников И.Ф. Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург, 2003.
26. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 544. Оп. 1. Д. 1583
27. РГВИА, Ф. 544. Оп. 1. Д. 1595
28. РГВИА, Ф. 544. Оп. 1. Д. 1611.
29. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1623.
30. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628.
31. РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 4.
32. РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 33.
33. РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34.
34. РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55.
35. Российский гос. Военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 4. Д. 29.
36. РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353.
37. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191.
38. РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 909.
39. РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 6–11.
40. РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26.
41. РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175.
42. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3.
43. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 5.
44. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7.
45. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16.
46. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 17.
47. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 118.
48. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 23.
49. РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 30.
50. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1.
51. РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 138.
52. Семчевский К.В. В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1978. № 371. Июль – август. С. 6.
53. Семчевский К.В. В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1979. № 374. Январь – март. С. 5–6.
54. Семчевский К.В. В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1979. № 375. Апрель – июнь. С. 9.
55. Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985.